

Меня зовут Асахи Чиен.

Конечно, это имя из далекого прошлого.

Теперь я ношу фамилию Убуяшики, я младшая сестра текущего главы организации Истребителей демонов — Убуяшики Кагаи.

Но в некоторые тихие ночи, когда крылья ворона-связного разрезают лунный свет над садом, то старое имя вместе со всем, что оно в себе несло, беззвучно всплывает в памяти.

У меня была очень счастливая семья.

Отец, Асахи Киёши, мать, Асахи Сузуран, и... кто же еще? Здесь память всегда окутывает нежная, но пугающая пустота.

Мы жили на окраине города в небольшом домике с садом. Отец держал маленькую лавку японской бумаги, а мать была мастерицей вышивки. Мы жили небогато, но в нашем доме всегда царило уютное тепло.

От отца вечно пахло бамбуком и корой бумажного дерева, а от кончиков пальцев матери исходил аромат солнечного света и шелковых нитей.

Однако под этой безмятежностью, похоже, скрывались течения, которые я, будучи ребенком, не могла до конца осознать.

Иногда родители тайком уходили из дома глубокой ночью, неизменно ссылаясь на визиты к дальним родственникам или срочные дела.

Возвращаясь, они порой приносили с собой холодный запах, напоминающий смесь крови и железа. В их глазах застывала усталость, но когда они смотрели на меня и... на нас, их взгляд становился невероятно мягким и светлым.

Все изменилось в один осенний вечер, когда мне исполнилось шесть. Тревога той ночью была настолько острой, что я не могла найти себе места.

Снаружи свистел пронизывающий ветер, заставляя бумажные перегородки слегка дрожать. Родители о чем-то перешептывались, собираясь в дорогу: отец проверял что-то у себя на поясе, а мать ловко закалывала длинные волосы.

Я подбежала и крепко ухватилась за край ее широкого рукава. Ткань показалась непривычно грубой.

— Мама...

Она обернулась, и пламя свечи затрепетало на ее прекрасном лице.

Мама опустилась на колени, взяла мое лицо в свои теплые ладони и долго вглядывалась в меня, словно пытаясь навсегда запечатлеть мой образ в сердце.

Затем она покачала головой, заставила уголки губ приподняться в нежной улыбке и, высвободив руку, ласково погладила меня по голове.

— Чиен, будь умницей, иди спать. Выспись, пусть тебе приснится добрый сон, а когда наступит рассвет, папа и мама вернутся.

Отец тоже подошел. Его высокая фигура заслонила меня, окутав тем самым чувством, что дарило покой, но одновременно вызывало трепет. Его грубая ладонь легла мне на плечо, голос прозвучал ниже обычного. Казалось, он хотел что-то сказать, но в итоге лишь повторил слова матери и добавил:

— Чиен теперь старшая сестра, нужно быть послушной. Позаботься о...

Ветер внезапно усилился, заглушив последние слоги.

Он назвал имя? Я пыталась расслышать, но в памяти остались лишь его полуобернутый профиль и бесконечный вой ветра за окном.

Той ночью я так и не смогла уснуть. Свернувшись калачиком под одеялом, я ловила каждый звук снаружи.

Я слышала тихий скрежет отодвигаемого засова, едва уловимый шорох шагов по гравию в саду, а затем все стихло. Остались лишь стук моего сердца, похожий на барабанную дробь, и зловещее предчувствие, сжимавшее горло.

На следующее утро я проснулась от солнечного света. Рядом лежало холодное, нетронутое одеяло.

Родители не вернулись.

Я просидела у окна целый день, не отрывая взгляда от калитки, надеясь, что две знакомые фигуры, как и много раз прежде, толкнут дверь, устало, но тепло улыбаясь.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в скорбный оранжево-красный цвет, но калитка оставалась неподвижной. Холодное отчаяние постепенно просачивалось в мои конечности.

Когда сумерки сгустились и в комнате стало почти темно, раздался резкий стук в оконное стекло.

Это были не родители.

На подоконнике сидел черный ворон с острым взглядом, крепко держа в клюве пожелтевший конверт. Он упорно стучал клювом, пока я, дрожа, не открыла окно.

Птица бросила письмо мне в руки, издала короткий крик и взмахнула крыльями, исчезая в безбрежной ночи.

На конверте не было адреса, только знакомый почерк — аккуратный и изящный почерк матери: Нашей любимой дочери, Чиен.

Я поспешно разорвала конверт. Внутри был листок бумаги.

Тогда я только начала учиться грамоте, и мой словарный запас был невелик. Я с трудом, спотыкаясь, разбирала чернильные знаки. Некоторые слова повторялись часто.

Я узнала: демон, истребление, отряд, долг, гордость, прости, любовь... остальные слова были для меня как небесные письма.

Дорогая Чиен, когда ты прочитаешь это письмо, папа и мама, скорее всего, уже не смогут вернуться к тебе.

Мы должны признаться: мы не обычные торговцы. Мы принадлежим к Истребителям демонов, мечникам, что ценой своих жизней охотятся на злых демонов и защищают невинных.

Сегодня ночью мы отправимся на важнейшее задание, и исход его неизвестен.

Посвятить свою жизнь этому делу, погибнуть, чтобы другие дети, подобные тебе, могли мирно спать по ночам — мы бесконечно гордимся этим.

Не скорби о нас, Чиен. Живи смело и счастливо, за нас двоих.

Когда нас не станет, позаботься о...

Дальше слова были размыты высохшим пятном. Слеза матери? Я пыталась разглядеть, но видела лишь расплывчатое пятно туши.

Позаботиться о ком? О ком? О ком я должна была заботиться? Кого защитить? Огромный страх и смятение охватили меня.

Я сжимала письмо в темнеющей комнате, дрожа всем телом, словно в пустом месте на бумаге скрывалась тень, которую я полностью забыла, но которая была невероятно важна.

Все, что было потом, сохранилось в памяти лишь фрагментарно: обрывки, смешанные с леденящим душу ужасом и резкой головной болью.

Я не помню, как послушно пошла вслед за вороном в крошечную тьму. Помню лишь, как крепко сжимала в руке то письмо, идя по незнакомой, казавшейся бесконечной дороге. В сердце звучал голос, призывающий найти родителей и того, о ком говорилось в письме... о ком-то на слог «ко».

Не знаю, сколько я шла, пока не добралась до пустынного перекрестка горных троп. Ночь была густой, как чернила, из леса доносился зловещий шорох.

А потом я увидела... силуэт нечеловеческого существа, который невозможно стереть из кошмаров, и ударивший в нос тошнотворный запах гнили.

Огромная тень накрыла меня, и ледяной холод смерти мгновенно сжал сердце.

В тот самый миг, на волосок от гибели, вспыхнуло пламя, подобно рассвету, разрывающее тьму.

Золото-красный блик клинка, сопровождаемый пронзительным воплем демона. Я видела

широкую, как гора, спину, развевающиеся на ветру огненные волосы и хаори.

— Прячься за мою спину, дитя! — голос прозвучал подобно удару колокола, наполненный мощной, успокаивающей силой.

Это был господин Ренгоку, тогдашний Столп Пламени. Он поспел вовремя и сразил демона.

Ликование от спасения длилось недолго. Когда господин Ренгоку осматривал место боя, в траве неподалеку он нашел еще одну маленькую, застывшую фигурку... на ней была одежда с таким же узором, как у меня, а в руке она крепко сжимала грязную, очень знакомую мне куклу-зайца.

В тот момент острая боль пронзила голову без предупреждения. Словно раскаленный шип вонзился в глубины памяти, словно толстый слой льда с треском раскололся.

Вспыхнули картины: смеющееся лицо, похожее на мое, тоненький голосок, зовущий сестренку, совместные сладости, руки, сплетенные в замок, когда мы вышли искать родителей... а в конце — тьма, крики, брызги теплой жидкости и защитная пустота, поглотившая всё.

Я закричала. Не от вида жестокой сцены, а от невыносимой боли в мозгу, который насильно разрывал воспоминания, чтобы защитить себя.

А потом я ничего не помнила.

Когда я пришла в себя, то лежала в совершенно незнакомой просторной комнате, от которой исходил легкий аромат лекарств и сандала.

Солнечный свет пробивался сквозь изящную бумагу сёдзи, мягко ложась на татами. Рядом со мной сидел молодой человек с необычайно тонкими чертами лица и спокойным, как гладь воды, характером. На его лбу виднелась странная темная отметина, но взгляд был нежным и сострадательным, словно он мог вместить в себя все горести мира.

Он мягко взял меня за руку, холодную от ужаса.

...

Что касается старого дома семьи Асахи, я больше никогда туда не возвращалась.

Думаю, тот домик, когда-то наполненный звонким смехом, теперь наверняка зарос лианами и окончательно заброшен временем.

Вместе с потерянной частью памяти и тем самым близким человеком, навсегда оставшимся пятилетним, он похоронен на том берегу воспоминаний.